

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЯСА, САЛА, КОЖИ И КОСТЕЙ МОРСКОЙ КОРОВЫ *HYDRODAMALIS GIGAS*

Н.А. Татаренкова
Алеутский краеведческий музей, о. Беринга; ГПБЗ «Командорский»

About the utilization of sea-cow's meat, fat and bones

N.A. Tatarenkova
Aleut museum of local History and Ethnography, Bering Island; Nature Biosphere Reserve
“Komandorskiy”

В настоящей работе речь пойдет об особенностях использования частей тела морской коровы в разные исторические периоды, начиная с июня 1742 г., когда члены Второй Камчатской экспедиции загарпунили первое животное, вплоть до наших дней. Хотя следует отметить, что морская корова была известна коренному населению Берингии значительно раньше: Г.В.Стеллер писал, что жители Камчатки изредка находили туши погибших животных на береговой линии от Кроноцкого мыса до Авачинской бухты; а Ф.А.Кульков (1764 г.), что животное изредка появлялось в окрестностях о. Атту (вероятнее всего, эти сведения он почерпнул из рассказов алеутов - жителей острова). Любопытно высказывание Е.Басова о находках в 1743-1744 гг. на берегу о. Беринга «резанных морских коров» (по мнению гл.специалиста отд.этнографии Америки МАЭ РАН С.А.Корсуна - фигурок, резаных каменным орудием). Наконец, имеются археологические находки: в 1991 г. в б. Командор (о. Беринга) были обнаружены примитивные орудия из кости морской коровы возрастом около 500 лет, а в 1999 г. – на о. Адаг обработанные кости возрастом около 1710 лет.

Команда Беринга, несмотря на обширные познания Г.В.Стеллера, была из всех промышлявших наименее практична – судя по сохранившимся свидетельствам, она использовала только мясо и жир животного, причем исключительно в пищевых целях. Сибирские казаки, промышлявшие на островах с 1743 г., оказались более расторопными, хотя и к ним многие навыки пришли только после первых контактов с алеутами. Мясо и жир по-прежнему использовалось в пищу - «той одной коровы мяса всем 33-м человекам на один месяц со удовольствием происходило в пищу и с остатками» - и заготавливалось впрок в соленом, вяленом и сушеном виде для походов на восток. Кроме того, жир использовался для поддержания огня в лампадах (жирниках), а кожа - вместо обшивных досок лодочного набора. Промышленники, собираясь в поход, выбирали на Камчатке хорошее легкое и крупное лиственничное дерево, изготовляли из него лодочный киль, ребра и весь кормовой и носовой набор из расчета на одну - две лодки и брали с собой в поход. Помимо того собирался один обычный деревянный елбот с полной деревянной обшивкой для перехода до Командорских островов. На островах в период зимовки заготавливались шкуры морской коровы, заготавливались с избытком. Эти шкуры называли лафтами (так же называли грубо выделанные шкуры сивуча, котика и нерпы, служившие для обтяжки байдар). Сложенные лафты и сборные лодочные части возили с собой на судах и собирали уже на месте, когда в этом возникала необходимость. Кожу размачивали в воде и обтягивали деревянный каркас. Такие лодки были более удобны в обращении: устойчивы на воде, что особенно важно в условиях постоянного сильного наката при высадке на берег и спуске на воду; обладали малой осадкой, большой грузоподъемностью и были очень легки. Для того чтобы перенести кожаную лодку по суше на значительное расстояние, было достаточно усилия всего четырех мужчин, чтобы вытащить на берег – того меньше (вытаскивать лодки необходимо каждый раз, чтобы уберечь от бурунов). Вероятнее всего, в определенных ситуациях русские использовали лодки на алеутский манер как временное укрытие, своего рода палатку. Кожаный «лоскут» шел на изготовление подошв для торбасов. Последнее свидетельство о промысле

коровы для заготовки лафтаков принадлежит Ивану Коровину, мореходу «Святой Троицы» компании Н. Трапезникова, зимовавшему на о. Беринга с 8 октября 1762 г. по 1 августа 1763 г.

Никаких указаний на использование костей морской коровы в XVIII веке не сохранилось, хотя теоретически они могли применяться для укрепления шпангоутов (в таком качестве использовались у алеутов кости тюленей). Активно использовать и выделывать кость стали с первой половины XIX века. Кость выступала в качестве замены древесине, имеющейся на Командорах в ограниченном количестве, главным образом, в виде плавника, и отчасти, будучи материалом твердым и прочным, железу. Чаше всего на местах бывших селищ встречаются фрагменты нартовых подполозков, выполненных их кости морской коровы. Собачьи упряжки получили широкое распространение после присоединения в 1825 г. Атхинского отдела, в состав которого входили Командорские острова, к остальным владениям Российско-Американской компании и последовавшего за ним заселения и обустройства территории (упряжки использовались на о. Беринга еще в XVIII веке, но упоминания о них редки – к примеру, при строительстве судна «Капитон» вместо разбившегося шитика «Перкун и Занат» 1748-1749 гг. плавник перевозился на собаках). Командорские нарты предназначались для езды по склонам в любое время года и требовали повышенной прочности. Поэтому деревянные полозы обивались костяными пластинами, подполозками, из ребра морской коровы. Позднее, приблизительно с 20-х гг. XX века кость заменили железом.

В обиходе часто использовались костяные клинья, служившие для раскалывания плавникового дерева, костяные пластины, имевшие разнообразное применение, даже подобие костяного бруса. Навершия и наконечники гарпунов XIX века также выполнялись из кости морской коровы. Костяные изделия воспроизводили домашнюю утварь: веселки, копалки для клубней сараны, корневищ макарши, папоротника и др. растений, иглицы для плетения сетей, ручки для бытовых инструментов, игольницы, пуговицы, мундштуки. Большая часть костяных предметов была обнаружена на месте бывшего селища Ладыгинского, расположенного в 4 км от села Никольского, а также на территории «нижнего» Никольского, занятого сейчас огородами и хозяйственными постройками. Это не удивительно: в XVIII веке суда компаний предпочитали отсаиваться на о. Беринга в двух местах: бухте Низовцова (современный Никольский рейд), считавшейся лучшей, и бухте Басовской (современная бухта Перешеек или Лисинская). Корабли поднимались на зиму к озерам, а команда промышляла в бухте морских коров, по свидетельству очевидцев здесь их водилось множество.

Изготовление резных фигурок из кости морской коровы на Командорах широко не практиковалось. По всей видимости, такие предметы существовали, на этот факт указывает без каких либо ссылок и пояснений Р.Г. Ляпунова, но были единичными, и сведений ни о них, ни об их авторах не сохранилось. Причин невысокого интереса к кости как к поделочному материалу несколько: во-первых, местные мастера использовали более мягкий и пластичный «мыльный», камень (диатомит); во-вторых, командорцы, особенно медновчане, в так называемый «американский» период (1871-1891 гг.) имели очень высокий годовой доход и были «избалованы» привозными золотыми и серебряными украшениями, что не могло не отразиться на масштабах местного художественного промысла.

Художественная резьба по кости морской коровы стала популярной в начале 90-х годов XX века после создания в районе Алеутского Культурного Центра. Этому предшествовал ряд событий. В 1976 г. открылась первая сувенирная мастерская при госпромхозе: броши, серьги, запонки, заколки реализовывались через Рыбный Кооператив и пользовались большим спросом - приезжий мастер Б.Р. Медоев работал главным образом с зубами сивуча и котика, также он резал по камню и кости копытных, не исключено, что иногда прибегал к кости морской коровы. На протяжении следующего десятилетия интерес к традиционной алеутской культуре возрастал, все чаще поднимался

вопрос о «возвращении к истокам». На этой волне в 1990 г. был создан Алеутский Культурный Центр, а при нем художественная мастерская. В качестве предпочтительного поделочного материала использовалась кость морской коровы (ребро), которая по своей структуре близка к моржовому клыку, считавшемуся у алеутов лучшим материалом для изготовления тотемных фигурок и декоративных пластин на охотничьих деревянных шапках. Часть миниатюр и декоративных украшений шла на продажу через посредническую фирму, часть поступила в музеи и частные коллекции. Своим появлением и существованием Алеутский Культурный Центр во многом был обязан И.П. Вьюеву. В 1993 г. мастер покинул остров, но еще некоторое время резьбой продолжали заниматься его ученики и последователи: А.Н. Ишунькин, Б.М. Тютерев, И.Ю. Борозенцев, С.В. Загребельный, М.И. Вожиков. За последнее десятилетие объемы производимых сувениров стали мизерными: единичные работы выходили в свет главным образом благодаря А.Н. Ишунькину.

Наряду с резчиками по кости ребра морской коровы собирали простые обыватели. Огромное количество костей было вывезено в начале 1990-х гг. в период массового оттока населения на материк (из-за ухудшившихся социальных условий за несколько лет население района сократилось вдвое). Дальнейшая судьба их очевидна.

На сегодняшний день находки костей стали довольно редки. В основном это более древняя, хрупкая, минерализованная кость. Для поделок ее используют редко, и сбыта такие изделия не имеют - их вывоз с острова, а главное ввоз во многие развитые страны мира без специального разрешения запрещен.

Литература

АГО Р.60, оп.1 №2

Архив МАЭ ФК-I оп. 2 № 1305

Белковский А.Н. 1996. Опыт изучения поздних памятников материальной культуры острова Беринга // Русские морские экспедиции 18 века. М. С.82-94.

Ваксель Свен. 1940. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.-М. С.126-128.

Володарская Е.Е. 2002. Коллекция предметов по этнографии командорских алеутов из собрания Камчатского Областного краеведческого музея // Краеведческие записки Камч. обл. краеведческого музея. Петропавловск-Камчатский. С.171-177.

Дыбовский Б.И. 1884. О Командорских островах в экономическом и статистическом отношениях // Изв. Русск. географ. общ-ва. Т.20. СПб. С.196-201.

Ляпунова Р.Г. 1989. К этнической истории Командорских алеутов // Краеведческие записки. Вып.6. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во. Камч. отд. С.40-61.

Ляпунова Р.Г. 1987. Народное творчество алеутов Командор: традиции и перспективы // Рац. природопользование на Командорских островах. М. С.186-193.

Ляпунова Р.Г. 1979. Новый документ о ранних плаваниях на Алеутские острова // Страны и народы Востока. Вып.20. Кн.4. М. С.97-105.

Пекарский П.П. 1869. Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного *Rhytina borealis* // Записки Имп. Акад. Наук. Т.15. Пр.1. С.1-33.

Предписание И.А.Куприянова Атхинской конторе об организации поисков скелетов морской коровы по просьбе Императорской С.-Петербургской Академии наук и установлении награды за найденные скелеты и их части // Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера 1815-1841 гг. М. 2005. С.385.

Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л. 1979. С.84-190.

Плавания и открытия русских промышленников // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М.Л. 1948. С.113-177.

Русские экспедиции по изучению Северной части Тихого океана второй половины XVIII века. М. 1989. С.31-86.

Савинецкий А.Б. 1992. Вековая динамика численности Морской коровы в позднем голоцене // Докл. АН. Т.326. №3. С.570-572.

Савинецкий А.Б. 2000. Вековая динамика населения млекопитающих и птиц побережья и островов Берингова моря в последние тысячелетия: Автореф. дисс. ... докт. биол. наук. 51 с.

Стеллер Г.В. п/ред. Станюковича А.К. 1995. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки 1741-1742. М. 221 с.

Татаренкова Н.А. 2006. К вопросу о возможной дате празднования юбилея села Никольского на острове Беринга // «О Камчатской земле написано...»: Матер. XXIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский: Камч. обл. науч. библиотека. С.227-232.